

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СМЕРТИ

© *Т.В. Филатов*

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия

Поступила в редакцию: 20.11.22

В окончательном варианте: 01.12.22

■ Для цитирования: Филатов Т.В. О противоречивости христианской концепции смерти // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 4. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.1>

Аннотация. В работе рассматривается феномен сосуществования в христианской культуре двух противоречащих друг другу представлений о смерти. Вскрываются исторические причины возникновения данной аномалии, которые оказываются непосредственно связанными с временными рамками апокалиптических ожиданий первых христиан. Методологический аспект работы связан с прояснением базисных стратегий решения проблемы несоответствия теоретических построений имеющимся опытным данным в религии и в науке.

Ключевые слова: смерть; смысл жизни; жизнь после смерти; продолжение рода; христианство; Апокалипсис.

ON THE INCONSISTENCY OF THE CHRISTIAN CONCEPT OF DEATH

© *T.V. Filatov*

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia

Original article submitted: 20.11.22

Revision submitted: 01.12.22

■ For citation: Filatov T.V. On the inconsistency of the christian concept of death. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(4):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.1>

Abstract. The paper examines the phenomenon of coexistence in Christian culture of two contradictory ideas about death. The historical reasons for the occurrence of this anomaly are revealed, which turn out to be directly related to the time frame of the apocalyptic expectations of the first Christians. The methodological aspect of the work is connected with clarifying the basic strategies for solving the problem of inconsistency of theoretical constructions with the available experimental data in religion and in science.

Keywords: death; meaning of life; life after death; procreation; Christianity; Apocalypse.

Цель настоящей работы — эксплицировать исторические и логические основания внутренней противоречивости понимания смерти, утвердившегося в христианстве в процессе его многовековой эволюции.

Проблема смысла жизни является одной из центральных проблем философии, «окончательное» решение которой когда-либо вряд ли будет достигнуто. Не трудно заметить, что данная проблема непосредственно связана с фактом конечности человеческого бытия, что, в свою очередь, отсылает нас к феномену смерти и к ее восприятию в различных культурах. Рассматривая жизнь (житие) как разновидность человеческой деятельности, можно констатировать, что деятельность как таковая является успешной и тем самым осмысленной, если ее результат совпадает с заранее поставленной целью. В противном случае наши усилия следует истолковывать как бессмысленные. Между тем конечный, заранее предрешенный результат всякой человеческой жизни — смерть, которая очевидным образом не может быть исходной целью никакой человеческой жизни, поскольку каждый человек, по Хайдеггеру, осуществляет свое бытие к смерти [1] несобственным и неподлинным образом [2, с. 20–21], вовсе не стремясь к конечному пункту своего экзистирования, а всячески пытаясь максимально удалиться от него. Последнее в конечном итоге никому не удастся, и потому всякая человеческая жизнь априорно оказывается *бессмысленной*.

Очевидно, что обрисованная выше ситуация априорной бессмысленности человеческого существования получила свое осознание еще задолго до возникновения философии, прежде всего в рамках религиозного сознания, потому что в масштабах человечества смерть существовала всегда, а философия — нет. Соответственно в культуре, т. е. в структуре юнговского коллективного бессознательного [3], закрепляется прежде всего религиозное восприятие смерти, на которое впоследствии наслаиваются более поздние восприятия, в т. ч. отрицающие исходное. Общим для практически всех исторически сложившихся вариантов религиозного восприятия смерти является ее *отрицание*. Это лучший и психологически наиболее эффективный способ решения любой проблемы — сделать вид, что ее просто нет. Например, в индо-буддистской религиозно-культурной традиции смерть воспринимается как *переход* человеческой души в новую телесную оболочку, подобно тому как затухающий огонь огарка свечи может зажечь новую свечу, оставаясь при этом тем же самым огнем. В этом заключается концепция сансары, т. е. потенциально бесконечного круга рождений и смертей, разорвать который можно только одним способом — угасив в течение очередной жизни огонь своих желаний. В рамках античной греко-римской культуры смерть понималась как нисхождение души в подземное царство мертвых, мрачный Аид. То есть после смерти существование человека каким-то образом *продолжалось далее*, то есть смерти как полного прекращения *любых форм* бытия человека для религиозного сознания не существовало.

В этом плане христианство не представляет собой исключения, поскольку в рамках данной религии также утверждается определенная форма продолжения жизни после смерти. Весь вопрос в том, какая. В своей известной работе «Человек перед лицом смерти» французский философ Ф. Арьес в духе методологических норм классической науки выделяет пять последовательно сменяющих друг друга форм восприятия смерти: «смерть прирученная»,

«смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя» и, наконец, «смерть перевернутая» [4, с. 496–508]. Первые две формы соответствуют христианской культурной традиции, последние три представляют собой более поздние нововременные наслоения. Однако А.Я. Гуревич в предисловии к книге Арьеса обращает внимание на фактологическую некорректность его построения, указывая, что в христианстве *одновременно* сосуществуют два логически противоречащих друг другу понимания смерти [4, с. 20], которые Арьес, исходя из своих методологических предпочтений, насильственно трансформирует в последовательные, так что одно, более раннее, сменяется другим — более поздним. Наша задача заключается в том, чтобы понять, вследствие каких причин могла исторически сложиться подобная ситуация.

Как известно, христианство зародилось на стыке двух великих цивилизаций — иудейской и греческой. В «Ветхом Завете» Бога с праотцом еврейского народа Авраамом ничего не говорится о жизни после смерти. Бог обещает лишь размножить его: «Я заключу с тобою договор и дарую тебе множество потомков; ты станешь прародителем многих народов; многочисленным сделаю Я твой род: целые народы произойдут от тебя и царями будут твои потомки» (Быт. 17: 2, 4, 6). Иначе говоря, смысл жизни в иудейской культуре, как и в любом традиционном обществе, усматривался исключительно *в продолжении рода*. Жизнь человека осмыслена только в том случае, если он плодovit и оставляет после себя многочисленное потомство, а вот умереть бездетным или бездетной — величайшее несчастье, поскольку данное обстоятельство полностью обесмысливает все человеческое существование.

В греческой культуре ситуация совершенно иная, поскольку здесь предусматривается продолжение личного человеческого существования и после смерти в «мрачном Аиде». При этом материальный характер подобного существования весьма размыт, поскольку мифологии как форме коллективного познания мира чужды тесные рамки более поздней по времени логики Аристотеля. Здесь все колеблется от вполне телесных структур до бесплотных теней, подобных образам умерших людей, которые приходят к нам в сновидениях. Однако в философии Платона окончательно утверждается представление о нематериальной душе, которая, отбыв наказание в темнице материального тела в ложном мире вещей, устремляется в истинный мир идей.

Генетическая связь христианства с идеалистической философией вполне очевидна для большинства исследователей [см., напр., 5]. В контексте христианской религии античный Аид трансформируется в Ад — место вечных мучений грешников, тогда как светлый мир идей — в Царствие Небесное, где будут вечно пребывать праведники в непосредственной близости от Бога. Однако *в изначальной версии христианства* это произойдет только после второго пришествия на Землю Иисуса Христа, когда все поколения людей, живших до нас, воскреснут во плоти, и начнется Страшный суд, который разделит этих воскресших людей на праведников и грешников. Примечательно, что Иммануил Кант впоследствии отверг идею воскресения умерших именно *во плоти* [6], что являлось очевидной ересью, и потому повлекло за собой временное запрещение преподавательской деятельности. Подобная

идея представлялась Канту чересчур грубой, и он склонялся к воскрешению умерших исключительно в духе.

Так или иначе, до второго пришествия мертвые *спят*, и разбудят их только трубы Апокалипсиса. Отсюда описанное Аньесом восприятие смерти как *вечного покоя*, сохраняющееся и в современной культуре. Кладбища — это места *упокоения*, где необходимо пребывать в молчании, дабы не потревожить сон мертвых. Неясно только одно: почему данный покой воспринимается как *вечный*? Ведь в этом случае никакого пробуждения ото сна не предполагается.

Однако с какого-то момента в христианстве начинает формироваться альтернативное понимание смерти, не предполагающее ее восприятие в качестве вечного сна или вечного покоя. Напротив, практически сразу после завершения процесса умирания душа человека в индивидуальном порядке направляется на Страшный Суд, предстая непосредственно перед Богом. Например, князь Андрей Курбский в своем первом письме к царю Ивану Грозному недоумевает, почему царь не боится, что после смерти тысячи убитых им людей не встанут перед Богом и не будут свидетельствовать против царя [7].

Очевидно, что представление о смерти как непосредственном преддверии Страшного суда логически несовместимо с представлением о смерти как вечном покое. В первом случае умирающий, наконец, успокаивается и засыпает, во втором — испытывает сильное волнение и даже ужас перед предстоящим судом. Более того, представление о личном Страшном суде *обесмысливает концепцию Апокалипсиса*: зачем воскрешение умерших во плоти, если все они уже и так осуждены?

Теперь остается понять, почему в христианстве исторически возникает подобного рода противоречие. В «Новом Завете» можно найти многочисленные свидетельства того, что первые христиане ожидали второго пришествия Иисуса Христа, которое повлечет за собой вознесение праведников в Царствие Небесное после Страшного суда, в самом ближайшем будущем. Поскольку данная тема исследована весьма подробно [см., напр., 8, 9], остановимся только на самом известном, а именно, на словах Иисуса Христа, обращенных к апостолам: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9: 1). То есть наступление Апокалипсиса предполагалось еще при жизни апостолов. Впоследствии Ницше прокомментировал приведенную выше цитату словами: «Хорошо солгал, лев!» [10, с. 670].

Иначе говоря, ожидание Страшного Суда, изначально воспринимавшееся как весьма кратковременное, постепенно стало рассматриваться как весьма длительное, т. е. потенциально вечное. Отсюда, по-видимому, вечный сон умерших, пробуждение которых откладывается на многие тысячелетия. Это все равно, что ждать на вокзале опаздывающий поезд; если затянуть подобное ожидание достаточно надолго, изначальная надежда на скорое его прибытие, в конце концов, окончательно умрет, сменившись беспросветным отчаянием. Последнее и происходит в европейской культуре в эпоху Возрождения и Нового Времени, когда христианское теистическое мировоззрение через возрожденческий пантеизм и деизм классической эпохи XVII–XVIII веков

трансформируется в массовый атеизм последующих столетий, своеобразной визитной карточкой которого становятся слова Ницше «Бог мертв» [11]. Не случайно именно в тот период, когда европейское человечество вступает в эпоху тотальной атеизации, основоположник классической физики Исаак Ньютон пишет весьма странное для физика теологическое изыскание: «Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова» [12], где пытается понять, почему Апокалипсис так и не наступил, хотя даже самые длительные сроки его ожидания, которые можно обнаружить в Библии, уже вышли.

Изложенный выше материал позволяет обосновать следующий вывод. Если в науке возможны революции, когда не соответствующая действительности теория отвергается и замещается новой, в религии, базирующейся на Откровении, т. е. на священных текстах, исходящих от самого Бога, подобного рода операция заведомо невозможна. Единственное, что можно осуществить в подобной ситуации — дополнить не оправдавшую ожиданий каноническую версию новой, находящейся в отношении логического противоречия с исходной версией. Именно поэтому в рамках христианства сформировались две логически несовместимые концепции смерти: как упокоения, т. е. сна в ожидании коллективного Страшного Суда, и как грозного вызова на личный Страшный Суд и последующим немедленным приговором и наказанием. Дело в том, что вторая концепция логически не предполагает Апокалипсиса и потому объясняет его фатальное не наступление вопреки всем библейским пророчествам.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Поздняков М.В. Анализ смерти как феномена экзистенции в «Бытии и времени» Мартина Хайдеггера. Альманах гуманитарных исследований. Москва, 2014. С. 13–33.
3. Беломоева О.Г. Коллективное бессознательное и локальная культура: к проблеме взаимообусловленности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1. С. 28–33.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер с фр.; под ред. Св. Оболенской. Москва: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
5. Прасолов М.А. «Подражать Платону»: Заметки к истории взаимоотношений христианства и платонизма // Труды Воронежской духовной семинарии. 2019. № 11. С. 56–71.
6. Судаков А.К. Религия Канта и вера в воскресение // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. № 3. С. 33–50.
7. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / под ред. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. Ленинград: Наука, 1979. 431 с.
8. Разинкова О.И. Христианские воззрения на проблему жизни и смерти // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8. С. 131–137.
9. Окорокова А.С. Амбивалентность танатологических фобий и способы их преодоления // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 2. С. 119–129.
10. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Сочинения в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1990. С. 631–692.
11. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». Работы и размышления разных лет. Москва: Гнозис, 1993. С. 148–217.
12. Ньютон И. Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова. Санкт-Петербург: Пальмира; Москва: Книга по требованию, 2018. 430 с.

References

1. Hajdegger M. *Bytie i vremja*. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russ.)
2. Pozdnjakov MV. Analiz smerti kak fenomena jekzistencii v «Bytii i vremeni» Martina Hajdeggera. *Al'manah gumanitarnyh issledovanij*. Moscow, 2014. P. 13–33. (In Russ.)
3. Belomojeva OG. Collective subconsciousness and local culture: Concerning the problem of mutual influence. *Russian journal of the Humanities*. 2012;(1):28–33. (In Russ.)
4. Ar'ës F. *Chelovek pered licom smerti*. Obolenskaja Sv, editor; transl. from French. Moscow: Progress-Akademija, 1992. 528 p. (In Russ.)
5. Prасolov MA. «Podrazhat' Platonu»: Zametki k istorii vzaimootnoshenij hristianstva i platonizma. *Trudy Voronezhskoj duhovnoj seminarii*. 2019;(11):56–71. (In Russ.)
6. Sudakov AK. Religija Kanta i vera v voskresenie. *Gumanitarnye Vedomosti of TSPU*. 2021;(3):33–50. (In Russ.)
7. Lur'e YaS, Rykov JuD, editors. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. Leningrad: Nauka, 1979. 431 p. (In Russ.)
8. Razinkova OI. Christian views on the problem of life and death. *Pozicija. Filosofskie problemy nauki i tehniki*. 2014;(8):131–137. (In Russ.)
9. Okorokova AS. Ambivalence of thanatological phobias and ways to overcome them. *Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)*. 2021;(2):119–129. (In Russ.)
10. Nicshe F. *Antihrist. Prokljatие hristianstvu. Sochinenija v 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl', 1990. P. 631–692. (In Russ.)
11. Hajdegger M. Slova Nicshe «Bog mertv». *Raboty i razmyshlenija raznyh let*. Moscow: Gnozis, 1993. P. 148–217. (In Russ.)
12. N'juton I. *Tolkovanija na prorochestva Daniila i Apokalipsis Ioanna Bogoslova*. Saint Petersburg: Pal'mira; Moscow: Kniga po trebovaniju, 2018. 430 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Тимур Валентинович Филатов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

---

Information about the author

Timur V. Filatov — Doctor of Philosophical sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia.
E-mail: tfilatoff1960@mail.ru